

Из истории Пешнигортского Свято-Стефановского монастыря

В.С. Жаравин

В 1896 году в память пятисотлетия блаженной кончины святого Стефана Великопермского в селе Пешнигорте Соликамского уезда Пермской губернии был основан Свято-Стефановский женский монастырь. Первыми насельницами были три послушницы, приехавшие из Вятского Преображенского девичьего монастыря. Так с самого начала в истории новой обители переплелись Пермские и вятские истоки. Не случайно документы о Стефановском монастыре и его насельницах хранятся не только в Перми, но и в Государственном архиве социально-политической истории Кировской области (ГАСПИ КО) и Государственном архиве Кировской области (ГАКО).

Монастырские строения были окончательно достроены к 1905 году, и тогда обитель получила статус монастыря. В нем постоянно проживало «в среднем 90 человек исключительно из местного населения, т.е. пермячки. Монастырь был бедным, поскольку он был молодой и, во-вторых, не приобрел еще известность»[1]. Одна из задач, стоявших перед насельницами, была миссионерская — распространять христианство в Коми-Пермяцком крае. «Монахини образовали «культурную миссию», развозили по близлежащим деревням книги на пермяцком языке, обучали неграмотных женщин в школе грамоты. При обители был создан хор певчих из числа «инородок». [2]

У нового монастыря не было земельных угодий, и для их получения настоятельница монастыря обратилась с просьбой в Вятское губернское земство. В 1907 году был получен положительный ответ: обители выделялось 100 десятин земли в лесном массиве на границе с Пермской губернией в местечке Зеленый мыс Глазовского уезда, примерно в 50 км от села Пешнигорт. Сразу же началась разработка полученного участка. Старшей на эту работу игуменьей была назначена сестра Агния (Гребнева Анна Карповна), одна из трех, приехавших из Вятки.

Позже она вспоминала: «Первоначально местечко Зеленый мыс было непроходимо. В течение двух недель они прорубали просеку и расчищали дорогу, потом выстроили шалаш, в котором жили до осени. Осенью на монастырские деньги были куплены срубы, из которых построен первый дом для жилья, а потом был выстроен и второй дом. В обоих домах по летам жило до 20 человек монахинь, которые приходили из монастыря, к зиме большая часть их уходила обратно в монастырь, из имущества была первоначально одна корова, лошади монастырские. За весь период работы было обработано под пашню 10 десятин земли».[3]

Все выращенное зерно вывозилось в село Пешнигорт, в монастырь. Туда же везли и заготовленные дрова для отопления.

Так Свято-Стефановский монастырь с лесной дачей в поселке Зеленый Мыс жил до 1922 года, когда был закрыт по решению советских органов. Тогда 35 монахинь и послушниц перебрались на постоянное жительство в Зеленый Мыс. Кроме личного имущества, они взяли с собой церковные ризы, служебные книги и другие вещи. Основным занятием по-прежнему оставалось сельское хозяйство: обработка земли, заготовка сена для домашнего скота, уход за ним, заготовка дров и т.д. К этому времени в хозяйстве было уже две коровы и три лошади. Зимой занимались рукоделием. В связи с отсутствием священника церковных служб не проводилось, но были совместные чтения акафистов.

В 1922 году бывшая монастырская община была оформлена как трудовая сельхозартель. Председателем ее была избрана А.К. Гребнева. Если до этого времени землей пользовались бесплатно, то в апреле 1922 года был заключен договор с Георгиевским лесничеством на аренду земли: четыре десятины пашни, семь восьмых десятины под усадьбу, одна восьмая десятины — под пасеку сроком на шесть лет с 1 апреля 1922 года до 1 апреля 1928 года.[4] С этого времени начали уплачивать ежегодный сельхозналог.

В 1923 году произошел пожар, сгорели надворные постройки. Из-за возникших трудностей часть молодых послушниц ушла, а оставшиеся отстроили все вновь и зажили по-

старому: одни ухаживали за коровами, другие — за лошадьми, третьи работали на кухне, часть заготавливала дрова, сено и т.д. Пожилые женщины больше занимались рукоделием.

Однако спокойно жить бывшим обитательницам Свято-Стефановского монастыря местные власти не могли позволить. В марте 1925 года в Зеленый Мыс приехали с проверкой руководящие работники: помощник прокурора Вятской губернии по Омутнинскому уезду Безденежных, начальник уездной милиции Жижин, председатель Бисеровского волисполкома Лепихин, ответственный секретарь Бисеровского волкома ВКП(б) Корчемкин и сопровождающие их крестьяне. По итогам «визита» они составили акт от 13 марта 1925 года, где сказано: «При осмотре документов и вещей в доме, где живут женщины, оказалось, что все они живут или со старыми, выданными до революции документами, или совсем без них. А ряд обнаруженных записок о здравии и о упокоении и книги указывают, что время от времени совершаются в доме богослужебные обряды.

Управляется же хозяйство двумя бывшими старыми монахинями Гребневой и Фоминой, остальные же являются как рабочая сила. К числу не принадлежащих к чернорабочим относится и Эмилия Никулина, которая упоминается как игуменья. Никакого равенства не видно, так как руководительницы живут в более чистых и уютных помещениях... Никаких письменных документов, свидетельствующих об артели трудовой, не обнаружено, и все указывает на единоличное распоряжение и руководство двух старших монахинь. Обстановка комнат, расположение их, количество икон и подбор их, и размер, а также найденные парики — головные уборы и обнаруженные у Эмилии Никулиной монашеские платья указывают полностью на существование монастыря и монастырских условий и порядков в жизни». [5]

Фактически в Зеленом Мысе был произведен настоящий обыск, однако уголовное дело, видимо, не возбуждали, а изъятые записки и личные письма насельниц были приложены к рапорту в Омутнинские уездный исполком, в архивном фонде которого все это и сохранилось.

В следующем 1926 году в Зеленый Мыс приезжала новая проверка, на этот раз уездного земельного отдела. В докладной записке в исполком заведующий уездным земельным правлением В.Ф. Соин писал: «...В настоящее время из 35 монашек осталось только 20, более молодые женщины ушли, чувствуя, видимо, неопределенность данного положения и не желая больше выносить режим монастыря, так как все они местные крестьяне из близ окрестных деревень, полуграмотные и неграмотные.

Внутренняя жизнь, производственные отношения их представляют собой первобытную трудовую коммуну во главе с матриархатом, связанную между собой религиозным учением, вернее внушением, и думать, что с этой публикой можно сделать что-либо общественно-товарищеское очень трудно. Разогнать эту братию для государства экономические невыгодно, так как из 20 — семеро не трудоспособны, которых надо кормить, я лично считаю: оставить их в покое, так как социально опасного от них быть не может, а постараться через соответствующие органы оказывать на них соответствующее идеологическое влияние посредством переубеждения в сторону материализма».[6]

Похоже, приведенных доводов было достаточно, и женщин оставили в покое, тем более, что сам В.Ф. Соин вскоре стал председателем Омутнинского уисполкома, и вопрос о Зеленом Мысе больше не поднимался.

Ситуация изменилась в 1929 году, когда после выхода постановления ВЦИК и СНК СССР «О религиозных объединениях» везде началось закрытие церквей и разгон церковных общин. Вскоре вспомнили и о бывших насельницах Свято-Стефановского монастыря. В Зеленый Мыс приехали солдаты и 5 февраля 1930 года всех проживавших там 19 женщин арестовали. Их привезли в Вятку и содержали под стражей в Вятском домзаке (так тогда называлась тюрьма — дом заключения). Всем было предъявлено обвинение, что «под видом сельскохозяйственной коммуны они организовали нелегальный монастырь».[7] Кроме этого, им было предъявлено обвинение в том, что в годы гражданской войны, когда в Глазовском уезде были колчаковские войска, монахини помогали белогвардейцам в снабжении их продовольствием и фуражом.

Через три месяца, 24 мая 1930 года, Вятской окружной отдел ОГПУ вынес постановление о прекращении уголовного дела против 17 арестованных, которых освободили. Обвинение

оставили только против двоих — Гребневой Агнии, как старшей «по монастырю» и Фоминой Афанасии как завхоза. Обе они 28 июля 1930 года особым совещанием при коллегии ОГПУ были осуждены за «антисоветскую пропаганду» на три года ссылки на Урал. Реабилитированы были в 1989 году.

Так закончилась история о «потасном монастыре», действовавшем на территории современного Афанасьевского района в местечке Зеленый Мыс на правом берегу реки Колыч.

Примечания:

1 ГАКО, ф. Р-982, оп. 2, ед. хр. 6, л. 223.

2 www.eparhia.permonline.ru/monast/hist/wnon.html

3 ГАСПИ КО, ф. Р-6799, оп. 7, ед. хр. СУ-8997, л. 10.

4 ГАКО, ф. Р-982, оп. 2, ед. хр. 6, л. 229.

5 ГАКО, ф. Р-982, оп. 2, ед. хр. 6, лл. 228-229.

6 ГАКО, ф. Р-982, оп. 2, ед. хр. 6, л. 223 об.

7 ГАСПИ КО, ф. Р-6799, оп. 7, ед. хр. СУ-8997, л. 158.